

Алекс Маркман

Рива

*Часть сборника
Заблудшие души (сборник)*

Алекс Маркман

Рива

«Автор»

2012

Маркман А.

Рива / А. Маркман — «Автор», 2012

ISBN 978-1-926720-30-2

В рассказе «Рива» представлен Израиль начала 1970-х годов. Эмигранты из Советского Союза сталкиваются с незнакомой средой, где радости и трагедии любви густо перемешаны с кровавым террором.

ISBN 978-1-926720-30-2

© Маркман А., 2012

© Автор, 2012

Алекс Маркман

Рива

Яркое утреннее солнце назойливо пробивалось в проем между неплотно сдвинутыми жалюзи. Начинался новый израильский день, который, конечно, будет такой же, как вчера, с толчеей на улицах, безоблачным голубым небом, и массой будничных забот. Таких дней, похожих один на другой как две капли воды, здесь много, по крайней мере восемь месяцев в году.

Рива, несмотря на ранний час, уже не спала. Последнее время она встречала каждый новый день с трепетом и волнением, в ожидании каких-то необыкновенных, значительных событий. Она осторожно повернула голову вправо и внимательно посмотрела на спящего мужа. На его круглом, полном лице застыло безмятежное спокойствие человека, у которого есть все: здоровье, семья, любимая жена и безмятежное будущее. Его полные губы, расслабленные глубоким сном, слегка оттопырились и обвисли, придавая лицу выражение бездумного, ленивого сладострастия. Рива слегка вздрогнула от неприятного чувства вины, осторожно и бесшумно встала с постели, взяла лифчик, очки и халат и, не издав ни единого шороха, выскользнула из спальни. Она остановилась в передней у большого зеркала, надела очки и внимательно себя осмотрела. Ее черные густые волосы по-прежнему блестели, как в двадцать лет, а на продолговатом, белоснежном лице, которое она тщательно прятала от палящего солнца, почти не появилось морщин, ну, разве что, при улыбке в уголках глаз, но улыбка у нее была такая, что ей заражались все мужчины вокруг нее, она это знала. В ее зеленых больших глазах, которые гораздо больше подошли бы бездумной актриске, вспыхивали искорки пытливого ума образованной женщины. Фигурой своей она тоже осталась довольна: только бедра чуть-чуть пополнели за последние пол-года, а линия талии почти не изменилась, что совсем неплохо для женщины тридцати трех лет, да еще рожавшей.

Прийдя на кухню, она первым делом упаковала свою большую, все еще упругую грудь в кружевные, обширные колпаки – так было сподручнее при домашних работах. Потом набросила халат и подняла было руки, чтобы раздвинуть жалюзи, как вдруг услышала легкий шум за спиной. Это был Эйтан, ее муж, который, как ни странно, проснулся несмотря на все ее предосторожности. Он обнял ее сзади, небрежным движением сдвинул лифчик вверх и нежно и твердо подхватил упавшие вниз обнаженные груди в свои теплые от сна ладони.

– Доброе утро, мамка, – тихо и ласково произнес он. Эйтан часто стал называть ее «мамкой» после того, как она родила ему сына восемь лет назад. Рива опустила руки и, не решаясь пошевелинуться, уставилась в окно. Для Эйтана ее грудь была самой большой забавой и годы совместной жизни, как видно, не притупили его чувств. Но на сей раз не смогла она ответить ему обычной нежностью и снисходительной уступчивостью.

– Когда ты идешь в мелуим? – спросила Рива.

– Послезавтра.

– Прямо перед выходными? И где это?

– Ничего не поделаешь. Эта база находится недалеко от Хайфы. Да все здесь недалеко.

– Будь осторожен, – посоветовала Рива. – Вот, по радио говорят, что участились попытки террористов проникнуть из Ливана.

Эйтан по-прежнему не выпускал ее из своих объятий, играя, как на пианино, своими толстыми пальцами на ее грудях.

– Мы живем уже здесь восемь лет, а ты все еще не можешь привыкнуть к местному образу жизни, – с легким, нежным упреком сказал Эйтан. – Как можно быть осторожным? Что для этого нужно делать?

– Мы живем с тобой уже десять лет, а ты все еще не можешь привыкнуть ко мне, – сказала Рива, делая слабую попытку высвободиться из его объятий. Ей не хотелось обижать мужа. В самом деле, не легко это, обидеть человека, который любит тебя.

– Ты стала прохладнее ко мне последнее время, – пробормотал Эйтан, выпуская ее из своих объятий.

– Ты ведь будешь стоять на посту в армии, – уклонилась Рива от темы, торопливо натягивая лифчик. – Да и по дороге, будь осмотрителен на автобусных остановках, и в автобусе. Не дай Бог, никогда не знаешь... Кстати, как там ночью, на посту? Холодно?

– В это время года ночи холодные, – кивнул Эйтан. – В особенности, когда дует ветер с моря, холод пронизывает насквозь. Трудно даже поверить, что в Израиле может быть такая холодина.

– Я куплю тебе сегодня теплое нижнее белье по дороге с работы, – пообещала Рива. Она ожидала, что муж сейчас закончит разговор и пойдет приводить себя в порядок, но он уселся за стол, как для долгого разговора, и подпер щеку большим, пухлым кулаком. У Ривы все внутри напряглось, как перед прыжком в воду с вышки. «Неужели он что-то знает?» – в ужасе подумала она.

– Вчера Зина звонила, – сказал Эйтан.

– Да? – спросила Рива с радостью и облегчением. – Когда?

– Поздно вечером. Я не успел тебе сказать вчера... Он не договорил фразу.

– Я задержалась на работе, – перебила его Рива, оправдываясь. – Сейчас у меня сумасшедшие дни, ты же знаешь.

– Знаю, знаю, – успокоил ее Эйтан. – Я не о том. Зина напросилась в гости.

Рива прекратила готовить завтрак и, повернув голову, внимательно посмотрела мужу в глаза.

– Когда она придет?

– Сегодня. Обещала быть к восьми. Надеюсь, ты вернешься к этому времени.

– Как некстати она сегодня, – поморщилась Рива, возвращаясь к приготовлению завтрака. На ее лихо очерченных губах появилась насмешливая и капризная гримаса. – Ты не смог от нее отделаться?

– Она стала жаловаться, что уже месяц не была у нас, что она очень одинока, все ее бросили, а последний любовник смог вынести ее только неделю и сбежал, не оставив своего адреса и телефона.

Эйтан улыбнулся, презрительно и весело. Воспоминание о Зине всегда вызывало у него улыбку.

– Хорошо, – кивнула Рива. – Тебе придется потерпеть ее заигрывания и кокетство.

– Это твоя подруга, – заметил Эйтан.

– Не сваливай все на меня, – с легким, дружелюбным смешком возразила Рива. – Она – друг семьи. Из тех друзей, которые не нужны ни одному члену семьи. – Рива вздохнула. – Ничего не поделаешь, – обреченно сказала она. – Последи за омлетом, Эйтан. Я пошла будить Арошу.

Рива пришла на работу позднее обычного, когда все работники отдела уже расселись по местам и женщины принялись заканчивать то, что не успели после сна: доедать бутерброд, докрашивать лицо или рыться в сумочке в поисках какого-либо пустяка. У всех были серьезные лица.

У Ривы не нашлось на это время. Пришли двое, большое начальство, и уселись напротив, как давние друзья. Один из них, седой, но очень молодой, бывший полковник десантных войск, а теперь начальник из управления, начал очень въедливо расспрашивать о мельчайших деталях тех двух проектов, за которые она была ответственна. Как видно, этот бывший военный был не дурак: он хорошо понимал вопрос. Второй был начальник отдела.

В какой-то момент Рива отвлеклась и бросила взгляд в пространство за ними. А там, за огромным, почти в пол стены, окном открывался экзотический, как картина в рамке, вид на Герцлию. Пальмы, кипарисы и голубое море застыли, словно в полусне, под слепящим южным солнцем. Возле окна, в дополнение к оформлению картины, сидел белокурый молодой человек лет двадцати двух – двадцати трех и, делая вид что роется в бумагах, украдкой поглядывал на нее. Молодой человек вдруг поднял голову и, встретившись с ней взглядом, беззаботно, нагло и весело улыбнулся.

– Почему ты молчишь, Рива? – спросил ее начальник отдела.

– Извините, я не поняла вопрос.

Рива чуть вздрогнула, метнула возмущенный взгляд на улыбающегося парня и, сделав деловое, серьезное лицо, уставилась на начальство.

– Вопрос простой, – продолжал начальник отдела, недоуменно подняв брови. Он привык к тому, что Рива отвечает быстро и четко, помнит все, до мелочей, и достает мгновенно из глубин памяти то, что необходимо. Сегодня она была рассеянна и отвечала невпопад.

– Есть у тебя достаточно данных, чтобы более убедительно обосновать твои предложения? Затраты, правда, небольшие, всего около пятсот тысяч долларов, но я не могу сам их подписать.

Рива уже привыкла к тому, что в Израиле все на «ты». Как ей объяснили по приезде в страну, евреи с самим Богом разговаривают на «ты», так что друг с другом и тем более. Можно, правда, добавить «госпожа» или «господин», но это не часто употребляется.

– Дима, – позвала Рива белокурого парня, скосив в сторону заблестевшие, чудесной формы темно-зеленые глаза. – Принеси обоснование, и первоначальную статистику о ремонтах и запасных частях. И об упаковке тоже. – Дима засуетился, выбирая листки из вороха на столе.

– Относительно организации ремонта – дело простое, – объясняла Рива. – Не нужно никаких затрат, только преобразовать саму организацию процесса... – В этот момент подошел Дима и положил перед ней аккуратно сложенную стопку бумаг. Он наклонился над ними, стоя рядом с ней, как будто намереваясь давать пояснения. Это то, что видело начальство. Но кое-что начальство не видело. Дима прикоснулся своим коленом к бедру Ривы под столом, и прижался к ней еще сильнее, когда наклонился вперед и начал объяснять содержание документов.

– Вот здесь – статистика по ремонту, – пояснял он, откладывая в сторону часть бумаг. – А здесь – данные по производству упаковки. Вот это – общая схема заполнения и прохождения документации на материалы в процессе производства. Согласно этой схеме должен будет работать процесс сбора и обработки информации на компьютере. В результате высвободится примерно пять человек в самом начале, вот расчеты.

Тот, что из управления слегка поморщился, всего на долю секунды, и сразу же напустил на себя невозмутимый вид.

– Не торопитесь с выводами, – сказал он. – Так уж сразу и высвободили пять человек. Ты уверена в этом, Рива? – Рива замешкалась с ответом.

– Э-э, – промямлила она. Потом взяла бумажную салфетку и вытерла мелкие капли пота со лба. – Что-то жарко здесь, – смущенно объяснила она. – Кондиционер плохо работает.

– Плохо? – удивился начальник отдела. – Мне кажется, что нормально. Тебе жарко?

Дима отступил на шаг и отошел на свое место. Избавившись от прикосновения его ноги, Рива быстро обрела контроль над собой.

– Я ведь из северной страны, – пояснила она. – То, что для вас холодно, для меня все еще жарко. – Оба начальника снисходительно улыбнулись.

– Так что ты на это скажешь? – спросил начальник отдела.

– На что на это? – переспросила Рива.

– На то, что высвободятся люди. Ты уверена?

– Ах, это – произнесла Рива, как будто вспоминая вопрос. – Конечно уверена. Во всяком случае, в этих документах вы найдете подробное обоснование.

– Я не вижу больших проблем, чтобы перевести производство упаковки из Франции в Израиль – сказал начальник из управления. – Здесь есть правда свои сложности, но... Затраты и в самом деле невелики. Остальное посмотрим. – Он взял стопку бумаг, которые принес Дима, и удалился вместе с начальником отдела. Рива с минуту сидела, задумавшись, потом выдвинула ящик стола и достала оттуда сигареты и зажигалку. Она курила крайне редко, только в минуты сильного волнения. Метнув быстрый, едва заметный взгляд в сторону Димы, она поднялась, быстрыми шагами пересекла комнату, спустилась вниз по лестнице и вышла наружу.

Перед зданием отдела был разбит небольшой сквер с цветами и скамейками, где можно было покурить и поболтать с другими курильщиками. Сейчас здесь никого не было. Рива села, щелкнула зажигалкой, нервно втянула в себя дым и задумалась. Настало время больших дел, когда к ее словам прислушивались и поручали ей решение довольно сложных проблем. На это ушло много труда. Начиналось все не просто. По приезде в Израиль она устроилась на работу сравнительно быстро и первое время стала предметом любопытства для всех мужчин отдела, да и всего завода. Сначала она подумала, что причиной тому была ее внешность. В самом деле, было на что посмотреть: красивое нежное лицо, миндальные глаза, прямой правильной формы нос, ровные, как у кинозвезды зубы и очки, ничуть не портящие ее и предполагавшие интеллект, который, как дополнительный штрих, возбуждал воображение опытных мужчин. И, разумеется, ее большая и на вид упругая, как надутый мяч, грудь, которую она пыталась скрыть искусно подобранной одеждой. Необычно белая, как лилия, кожа на ее лице особенно бросалась в глаза на фоне аккуратно уложенных черных волос. Но вскоре выяснилось, что дело вовсе не в женской красе. В Израиле, как оказалось, много красивых женщин, и потому еще одна, хоть и в очках, вовсе не в диковинку. А удивил всех тот факт, что появилась на заводе женщина-инженер. Настоящий, дипломированный инженер-механик! В начале семидесятых годов таких женщин в Израиле было очень мало. Потом многое изменилось с приездом русской эмиграции. Приехало много женщин с высшим инженерным образованием, а вслед за ними появились выпускницы местных школ с дипломами инженеров и прекрасными формами тела, но это стало потом. В то время, о котором идет повествование, Рива была одна из первых.

И тут, конечно, все детали ее женственных форм вступили в игру. Последовали обсуждения в кругу заводских мужчин в обеденный перерыв о новой инженерше. Инженер, а грудь-то какая! А какие губы, талия, да вообще... Зачем все это инженеру-механику? Такая женщина должна быть женой состоятельного мужчины, и все тут. Рива затратила много труда, чтобы делами убедить мужчин, что она не только обладатель соблазнительных грудей и бедер, но и настоящий инженер-механик. И вот, на самом подъеме карьеры, появился этот мальчик. Какая нелепость, можно сказать, насмешка судьбы, над женщиной тридцати трех лет, имеющей мужа и восьмилетнего сына.

Из здания отдела вышел Дима, держа в руке чашку горячего кофе. Он подошел к Риве, сел рядом и протянул ей чашку.

– Я знаю, что ты любишь курить и пить кофе, – пояснил он. – Вот, принес тебе.

– Ты – отпетый мерзавец, – накинулась на него Рива с чувством, в котором было больше ласки, чем возмущения, однако внешне оставаясь спокойной и невозмутимой. Со стороны могло показаться, что она говорит о погоде, которая в Израиле почти никогда не меняется. Потом осмотрела отпетого мерзавца с нежностью. – Ты что это себе позволяешь?

– Что случилось? – с невинным видом спросил Дима. – Чем я тебя обидел?

– Что случилось, что случилось, – передразнила Рива. – Ты зачем прижал свою ногу к моей под столом? А?

– О, это. Чистая случайность, – заверил ее Дима, не рассчитывая на убедительность аргумента. – А потом, когда соприкосновение совершилось, мне не захотелось расставаться с твоей ногой. – Он удовлетворенно улыбнулся.

– Мерзавец, – подытожила Рива, затягиваясь сигаретным дымом. В ее тоне слышалось больше одобрение, чем негодование. – Не смей такое делать. Я прямо вся дрожала, ничего не соображала. Не смей так играть!

– Почему же ты не убрала ногу? – спросил Дима.

– Не твое дело. Мерзавец.

– Хорошо. После выясним. Я предлагаю сегодня поехать куда-нибудь на уединенный пляж.

– Я досмерти боюсь, что нас вместе увидят, – опасливо сказала Рива. – И без того я иногда встречаю подозрительные и любопытствующие взгляды. А тут, если кто увидит и скажет Эйтану, будет конец.

– Чему конец? – поинтересовался Дима.

– Моей семье конец. Как будто не понимаешь. Эйтан – ты его не знаешь, сразу уйдет.

– Пусть уходит, – с нотками довольства в голосе заключил Дима. – Будешь жить со мной. –

Рива ласково на него посмотрела и ничего не ответила.

– А что? – не унимался Дима. – Такое положение не может продолжаться вечно.

– Я надеюсь, – согласилась Рива. – Рано или поздно наши отношения прекратятся. Ты, легкомысленный повеса, найдешь себе другую женщину, я немножко пострадаю, и конец.

– А я надеюсь, что это никогда не закончится, – сурово сказал Дима. – Я не хочу, чтобы наша связь когда-нибудь закончилась.

– Не говори глупостей, – неуверенно возразила Рива, польщенная. – Скажи лучше, на какой пляж ты предлагаешь поехать, чтобы нас не увидели.

– Пальмахим. Там хороший пляж и укромное место и никого из знакомых точно не встретим, потому что у тропы к пляжу вход в базу и часовой и никого не пропускает. Пляж сейчас принадлежит военной базе.

– Он и нас тогда не пустит, – предположила Рива.

– Пропустит, – заверил ее Дима. – Если на них немного надавить, то они пропускают. Я сам там стоял на посту несколько раз. Нам инструкции давали пропускать, если очень люди настаивают. У меня в машине палатка. Ты уйди под каким-нибудь предлогом с обеда, я тоже отпрошусь у тебя по делам. Ты ведь мой начальник. Отпустишь? У нас будет достаточно времени.

– Хорошо, – согласилась Рива. – Удобный момент тебе рассчитаться за все. Но учти, мне нужно вернуться к восьми вечера домой, ко мне должна прийти подруга. А мужу я позвоню и сообщу, что задержусь на работе. Он позаботится о сыне. Дело нехитрое: наша школа всего в квартале от дома, так что сын сам ходит в школу и обратно.

– Я буду ждать тебя возле лавки, где продают фалафель. – Глаза у Димы лихорадочно заблестели от возбуждения. – Найдешь мою машину за углом.

Рива могла уходить с работы и приходила на работу в любое время. Никто ее не проверял; она пользовалась неограниченным доверием начальства; часто она задерживалась на работе, пытаясь справиться с задачами, которые себе поставила. Еще будучи в Риге, она готовилась к любым трудностям, к любым невзгодам в Израиле. Не найдя ожидаемых тягот, через которые прошли пионеры освоения страны, она отдавала все свои силы и способности на работе. Поэтому ни у кого не вызвало подозрение ее отсутствие после обеда. Дима ждал, где было условлено и как только она села рядом с ним, включил мотор и понесся вперед, нарушая правила движения и нагло обгоняя машины.

– Наконец, мы вдвоем. – Дима, с улыбкой положил ладонь на ее ногу повыше колена, отодвигая платье кверху. – Уже три дня прошло с тех пор, как мы были вместе. Я просто

изнемогаю, как хочу тебя. – Рива сжала обеими руками тыльную сторону его ладони, как будто пытаюсь задержать ее на своей ноге.

– Я тоже, – призналась она. – Что со мной стало? Никогда не чувствовала тяги к мужчине. Секс меня вообще не интересовал до того, как я тебя встретила. Надо же было вырваться из Союза и попасть в Израиль, чтобы обрести это. Ну, не насмешка ли судьбы?

– Это не насмешка, а подарок, – заметил Дима. – Хотя странно, что никто тебя не захотел раньше. Обычно парни бывают очень изобретательны, когда хотят завладеть такой, как ты. Почему же это не произошло?

– Трудно объяснить. Меня окружали умненькие еврейские мальчики с умненькими разговорами. Считалось, что кто умнее говорит, тот имеет больше шансов привлечь внимание девочек. Очевидно, во многих случаях так оно и было. Но у меня никогда не появлялось желания понравиться самому умненькому. По правде говоря, мне больше нравились русские ребята, но я их боялась.

– Почему боялась? – поинтересовался Дима.

– Сама толком не понимаю, – пожалала плечами Рива. – Наверное не знала, что от них ожидать. Мне казалось, что они способны на грубость и насилие.

– А меня не боишься? – спросил Дима. Он погладил ее ногу, бесцеремонно отодвинув подол платья до низа живота.

– Боюсь, – не задумываясь ответила Рива, не убирая своих ладоней с его руки. – Боюсь, что скоро разлюбишь. Боюсь, что быстро забудешь. Боюсь тебя потерять. Боюсь, что заметишь во мне недостатки. Кстати, – переменяла она тему разговора, внимательно разглядывая его профиль. – Как ты, чистокровный русак, попал в Израиль, да еще как еврей?

– Это была смешная и печальная история, – улыбнулся Дима. – Мой отец и мать были русские. Моя мать умерла, когда мне было пять лет, я еще сейчас это помню. Отец женился на еврейке, и она меня усыновила. А потом отец стал спиваться, моя мачеха оставила его, а меня забрала, потому что любила меня как родного сына. Отец не возражал, я думаю, он был даже доволен. Потом она вышла замуж за еврея, у них родилась дочь. Они подали заявление на выезд в Израиль всей семьей, в которую входил и я, конечно. Таким образом, в Израиль я прибыл как чистокровный еврей. У меня мать еврейка и отец еврей. Кто может усомниться в чистоте моей крови?

Дима свернул с забитой машинами скоростной трассы на пустынную дорогу, окаймленную густо посаженными хвойными деревьями, и вскоре они уперлись в тупик, где стоял часовой. Дима вышел из машины и поднял руку в знак приветствия.

– Нельзя дальше, – хмуро скомандовал солдат, поправив автомат на плече. В его произношении можно было безошибочно распознать русский акцент.

– Мы не надолго, – сказал Дима по-русски. – Проведем пару часов, и обратно.

– Смотри, не задерживайся до темноты, – разрешил часовой, тоже переходя на русский. – Если патруль найдет вас после захода солнца, могут быть неприятности тебе и мне.

– Не беспокойся, – заверил его Дима. – Я сам здесь одно время проходил службу, все знаю. – Солдат утвердительно кивнул, после чего Дима достал из багажника палатку и рюкзак с вещами, и направился с Ривой к пляжу. Берег, насколько хватал глаз, был пустынный. Только шагах в ста от них на песке лежали две обнаженные женщины и дремали под палящим солнцем.

– Мы здесь, оказывается, не одни, – заметила Рива. – Солдаты, видно, не относятся с большим подозрением к голым женщинам.

– Эти наверняка из Северной Европы, – определил Дима, расставляя палатку. – Их много приезжает к нам на пляжи в поисках приключений. Солдаты охотно их пропускают, они украшают службу.

– Я вот думаю, что мне делать, – в нерешительности произнесла Рива. – Я не взяла с собой купальник, ты ведь меня заранее не предупредил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.